

Евгений Лукин

Чёртова сова

Евгений Юрьевич Лукин
Чёртова сова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156966

Содержание

Евгений Лукин

4

Конец ознакомительного фрагмента.

27

Евгений Лукин

Чёртова сова

Стихи разных миллениумов

Ты перед тем, как вешаться, сперва
поговори (живём-то снова!) —
и выйдет, что ни в чём ты, если честно,
не виноват – планида такова...
За то, что жив, спасибо вам, слова,
слова, слова, а совесть бессловесна —
молчит и смотрит, чёртова сова!

СКАЖИ, ЧТО ТЫ ЖИВА...

* * *

Прав Ты, о Господи, трижды прав
в этом обвале бед,
но разреши обратиться в прах —

сил моих больше нет.

Прав Ты, и кара Твоя проста:
в белый смертельный сплав
слиты время лёгких растрат
и время тяжких расплат.

Трижды прав Ты, но в муке дня,
который там, впереди,
Господи, убивая меня,
любимую пощади!

* * *

Не от Творца, не от скупщика душ —
стыдно сказать, от плотины зависим.
Вот и стоит рукотворная сушь
над белизною песчаных залысин.
Волга слепит равнодушной слюды.
Ни рыболова на отмелях этих.
Только цепочкою птичьи следы,
словно гулял одинокий скелетик.

ПРУД. ЗИМА

В глубоком чёрном льду
ветвистые расколы
прозрачно-известковы,
и я по ним иду.
А было – шли вдвоём,
ещё живые оба,
и завитком сугроба
кончался водоём.

* * *

Скорлупка бигуди.
Пылятся кружева.
Послушай, разбуди,
скажи, что ты жива.
Такой подробный бред —
до складочки по шву.
И пачка сигарет
лежит – как наяву.

* * *

Вот и осень с позолотцей.
Всюду тонкий запах тленья.
Крашу крестик, правлю тризну,
разговариваю с твердью.
Самому ещё придётся
отвечать за преступление,
именуемое жизнью
и караемое смертью.

* * *

Ах, какого защитника дал тебе добрый Господь!
В беспощадные ночи, когда подбиваешь итоги,
вновь приходит на помощь весёлая сильная плоть,
и убийца по имени совесть уходит с дороги.
Но когда твою плоть на глазах твоих скормят земле
и шагнёт к тебе совесть с застывшей усмешкой безумца,
ты ещё затоскуешь, дружок, о кипящей смоле,
раскалённых щипцах и зазубренных тяжких трезубцах.

* * *

Над рекой, над кручей яра,
начиная клочкотать,
шла гроза – как Божья кара
или Божья благодать.
Полыхая белокрыло,
шла по сутолоке вод —
и уже не важно было:
воскресит или убьёт.

* * *

Вот и кончен поединок. Навсегда.
Впереди еще какие-то года,
слёзы пьяные да карканье ворон.
На зубах скрипит песчинка с похорон.

ТЕПЕРЬ УЖЕ НЕДОЛГО...

* * *

Будут ли тому причиной войны
или наступленье тяжких льдов —
мы уйдём. Земля вздохнет спокойно,
распрямя шрамы городов.

Разве это не издёвка злая:
пробуя на ноготь остриё,
взрывами и плугами терзая,
люди звали матушкой её!

Из окна – запруженная Волга.
Берега в строительной пыли.
Ждёт Земля. Теперь уже недолго.
Мы уходим. Мы почти ушли.

* * *

Мне снятся сны, где всё – как наяву:

иду проспектом, что-то покупаю.
На кой я чёрт, скажите, засыпаю —
и снова, получается, живу?
Я эту явь когда-нибудь взорву,
но не за то, что тесно в ней и тошно,
и даже не за подлость, а за то, что
мне снятся сны, где всё — как наяву!

* * *

Когда ты предаёшься хлопотам
в толпе таких же человечин,
внутри нашёптывает кто-то там:
«Ты, парень, случаем, не вечен?»
Со страхом или с умилением,
но пережил ты, спора нету,
столетье, Родину, миллениум...
Осталось пережить планету».

* * *

Забавно сознавать, но Робинзон-то —
в тебе. Не на рисунке. Не в строке.
Куда ни глянь, враньё до горизонта,

и ты один на малом острове.
Что остаётся? Верить в милость Божью,
когда волна пугающе близка,
да подбирать обкатанные ложью
обломки истин с белого песка.

* * *

Ничего мы не обрящем —
только темечко расплющим,
пребывая в настоящем
и мечтая о грядущем.
Не дури, едрёна вошь!
Рок тебя не проворонит.
Здесь ты все-таки живёшь,
а в грядущем – похоронят.

* * *

Когда возвратишься в пустую
бетонную гулкую клеть,
где лампа горит вхолостую
и где предстоит околеть,
ты лепет воды в туалете

прими за журчанье ручья —
и нет уже каменной клетки,
и вновь боевая ничья!

БЕЛАЯ УСАДЬБА

* * *

Неба серое болотце.
Влажная стена.
У балкона чайка бьётся,
будто простыня.
Бедолага, шаромыга,
марлевый испод.
Это утро. Это Рига.
Это Новый год.

БЕЛАЯ УСАДЬБА

Людмиле Козинец

Ох, упрям! Сижу в кабаке.
Сыт и пьян, и нос в табаке.

То ли песня вдалеке,
то ли где-то свадьба...
Штоф вина на столе пустом
у окна, а в окошке том —
над господским над прудом
белая усадьба.

Сыр да бор да негромкий сказ,
мол, недобр у барыни глаз —
привораживает враз,
хуже не сказать бы...
Черти пьяные, вы о ком?
Я-то с барыней не знаком!
Ну а сам взгляну тайком
в сторону усадьбы.

Что ж, колдунья, твоя взяла!
Грош кладу я на край стола.
Углядела, повела...
Век тебя не знать бы!
Волшебством ты и впрямь сильна:
я в шестом кабаке спьяна,
а в окошке вновь она —
белая усадьба...

Далии Трускиновской

Как ты там, за рубежом,
у стеклянных побережий,
где февральский ветер свежий
так и лезет на рожон?

Та ли прежняя зима
в городках, где даже тюрьмы
до того миниатюрны,
что уж лучше Колыма?

Ты в моем проходишь сне
мостовой черногранитной
за новёхонькой границей
в новорожденной стране.

Взять нагрянуть невпопад
в город вычурный и тесный
под готически отвесный
прибалтийский снегопад.

Ты откинешь капюшон,
на меня с улыбкой глядя.
Растолкуй мне, Бога ради:

кто из нас за рубежом?

* * *

Далии Трускиновской

Так неистова светла
грань весеннего стекла,
что хотел бы жизнь растратить —
да растрачена дотла!

Четвертованная грусть.
Четвертованная Русь.
Я к тебе через границу
и ползком не проберусь.

Кружевные берега
да непрочные снега —
всё как есть перечеркнула
полосатая слега.

Вот и водка налита,
да какая-то не та:
вроде пробую напиться —
не выходит ни черта.

Колобродит у окна

одичалая весна.
Впору гибнуть за Отчизну,
хоть и бывшая она...

* * *

Счастье, выглянув едва,
обернулось пьяным бредом.
То ли предали слова,
то ли я кого-то предал.

ЦвЕта крови и чернил
грязь и ржавчина в горниле.
То ль кого похоронил,
то ль меня похоронили.

Безнадежное «зеро».
Где же адская бумага,
петушиное перо,
опереточная шпага?

Год любви любой ценой —
вот и все, о чем просил бы.
Как ты выдуман, Хромой,
беспощадно и красиво!

НАЙДЁНЫШ

* * *

Точно не твою судьбу, но чью-то
одарил Господь, попутал бес.
Краткое, свершившееся чудо.
Больше не предвидится чудес.
Говори что надо и не надо,
только о случившемся молчи.
В чёрном кофе кубик рафинада —
белый домик раствори в ночи.

* * *

Пересыпан городок
снегом, будто нафталином.
Утро зимнее, пошли нам
лучезарный колобок.
После выюжных веретён
пусть мигнёт румяным веком,
по заоблачным сусекам

добрым Боженькой метён.

ИНЕЙ

Идите к чёрту, господа,
прямыми стройными рядами —
и возраст вашими годами
не измеряйте никогда!
Нам, слава богу, не до вас,
когда мы, рук не разнимая,
глазеем на январский вяз,
а он цветёт, как вишня в мае.

* * *

Ещё жива отзывчивая плоть.
Ещё чудит, петляет колея.
Поистине всемилостив Господь,
когда щадит такую тварь, как я.
Самовлюблённый жадный упырёк,
что я творил! И что я говорил!
А Он меня не только уберёт —
Он мне с тобою встречу подарил.

ФАРФОРОВАЯ РЕЧЬ

* * *

Моя пятидесятая весна
перебирает ивовые плети,
как будто на пятидесятилетье
неладное задумала она:
«Вот эта розга, – пробует, – длинна,
та – коротка, а тоненькие эти
и вовсе не откликнутся в поэте...
Когда бы в молодые времена!»

* * *

В юдоли, где мы обитаем,
любое деяние – зло.
А я уродился лентяем —
и, стало быть, мне повезло.
И, стало быть, спрошенный небом,
скажу, незапятнанно бел:
«Не брал. Не участвовал. Не был.

Нескладные песенки пел».

ФОН

Не давать им пряников!
Отхлестать орешником!
Из-за этих праведников
я считаюсь грешником!

Повстречаешь – тресни-ка
в лоб зелейной скляницей!
Из-за этих трезвенников
я считаюсь пьяницей!

Стих утоплен в вермутах.
Строки – нищета и сушь.
Из-за этих лермонтовых
я и не считаюсь уж!

* * *

Звуки пошли не те —
глухи, невнятные, тупы.
Яблоки в темноте

падают – словно трупы.
Вот и сижу в саду,
внемля недобрым звукам.
Скоро ведь упаду
с тем же коротким стуком.

* * *

Достаётся нынче правдам —
травят как хотят!
Я сижу люблюсь прайдом
рыженьких котят.
Что мне правды! Что мне травли!
Помыслы просты,
как мелькающие в травке
рыжие хвосты.

СКЛАДУХА

Хуже злого костоеда зарубежный Кастанеда,
и мосол, как кастаньета, жалко щёлкает в коленке,
и черновики нетленки между томом Короленки
и записочкой от Ленки затаились в аккурате
в том бумажном зиккурате, что воздвигся у кровати,

угрожая покарати мощным оползнем культуры —
житием Бонавентуры, редкой книжицей «Уйгуры»
и запиской этой дуры: дескать, где мой Кастанеда?..

* * *

Таает жизнь в осеннем шелесте,
усыхает, как лоза.
У меня вставные челюсти
и безумные глаза.
Скальте, скальте зубы юные!
Нет бы скальда побережь
за глаза его безумные
и фарфоровую речь!

* * *

Заклубились беды вороньём.
Да и ладно!
Съеду я куда-нибудь в район
Таиланда.
Там, в густом тропическом саду,
с загибона
я, пожалуй, как-нибудь сойду

за гиббона.

ПОСЛЕ ОБЫСКА

Не дай мне Бог...

Александр Пушкин

Была, я знаю, веская причина
сказать: «Не дай мне Бог сойти с ума».
Чудовищна застывшая личина
и неприятны жёлтые дома.
Зато, когда подобие ГУЛАГа
воссоздаёт Отчизна-Перемать
и в доме шмон, – какое это благо
глядеть и ничего не понимать!

* * *

Век растрочен. Родина украдена.
В жёлтой прессе – перечень разборок.
Общество – бессмысленная гадина —
давит тех, кто мил тебе и дорог.
Поселить бы их в отдельной рощице
где-нибудь в районе Балашова...

И возникнет маленькое общество —
точное подобие большого.

ВЗБАЛАМУЧЕННЫЙ СОНЕТ

Н. Л.

Перспект – и ни единого мента,
хотя обычно по менту на рыло.
Остолбенел. Накрыла немота.
Потом надежда робкая накрыла.
Неужто впрямь? Неужто белокрыло
взбурлило небо, и легла, крута,
архангела разящая пята?
Слабо лягавым против Гавриила.
Его пята – надгробная плита.
А ты мне что намердни говорила?
Мол, не молись, не выйдет ни черта...
Ты погляди, какая лепота!
И улица лежит, не пронята
ни трелию, ни топотом мента.

* * *

Не говори, что счастье мнимо,

сиди и пей себе коньяк
за то, что жизнь проходит мимо,
как невнимательный маньяк.

ЭТО КЕМ ЖЕ МЫ БЫЛИ...

* * *

Помню: книжки рубили —
аж плахи трещали.
Это кем же мы были,
если нас запрещали?
Уличали. Свистали.
Политику шили.
Это кем же мы стали,
если нас разрешили?

* * *

Ни прозаик, ни поэт.
Ни бунтарь, ни обыватель.
Ни пощечин, ни объятий.

Ни конфузій, ни побед.
И сидишь – незнамо кто,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.